

бы сложиться в некий порядок. Причем калейдоскоп, в отличие от игральных костей, помещает игрока сразу в точку могущества, ведь, кидая кубики, мы не в силах постоянно выбрасывать две шестерки, в то время как орнаментальная констелляция стеклышек каждый раз беспрочно гармонична.

Но точка могущества нам не принадлежит, причинно-следственная цепь, связывающая движение руки и *этот* прекрасный узор, не складывается, демонстрируя бессилие последовательно движущегося рассудка. Субъект, возникающий в зеркальном лабиринте калейдоскопа, принципиально пассивен — он претерпевает «творение мира», присутствует при нем, и вся его креативная энергия — это энергия «эстетиса», то есть созерцания.

Г. В. Мелихов

Психоготика философствованием. Диалог о процессе, Платоне и осознании

Кто что ни говори, а жизнь всегда умнее всех нас, живущих и мудрствующих. Да-да, жизнь справедлива и милосердна. Героев она заставляет усомниться, а тех, кто сделал мало, и даже тех, кто ничего не сделал, но прожил с чистым сердцем, она всегда утешит.

А. Вампилов. Старший сын

С каждым днем я все меньше значения придаю интеллекту.

М. Пруст. Против Сент-Бёва

Преподаватель входит в аудиторию. Молниеносно, взором опытного полководца окидывает он взглядом поле будущей брани — всё ли готово к сражению? Несколько пар студенческих глаз преданно взирают на своего отца-покровителя, тихо шелестят листочки бумаги.. Но что это? На левом фланге — разброд и шатание: кто еще не верит в полную и окончательную нашу победу?! О Боже, как вдохновенно он говорил! Как мог он подобрать нужные, подходящие именно к этому месту слова! Как высоко воспарял он мыслью своей, приводя в движение целые эпохи — народы переходили свои рубиконы, рождались и умирали, обнажая скрытую подоплеку своих действий! Как умело мог он подвести нас к тому, что должно было непременно случиться, и мы, прямо сейчас, превращались в непобедимо-монолитную армию, воспринимая себя носителями особой, святой миссии.. Но вот преподаватель зачем-то смотрит на часы и вдруг, стремительно разворачиваясь эдак градусов на 180, столь же проворно удаляется, оставляя за собой след легкого недоумения — всё

уже было готово к сражению, мы нетерпеливо ждали последней нашей битвы, но где она? Где взлелеянная нами будущая победа?

* * *

Философия в наше время справедливо подвергается ожесточенным нападкам — уж лучше тихонечко сидеть где-нибудь, торговать, ничего целый день не делая (что может быть хуже этого?!), чем беззастенчиво вводить в заблуждение людей, не искушенных в красноречии. Чем тогда философ отличается от обычного шарлатана, срывающего «легкие бабки» на базарной площади у случайных и не в меру доверчивых зевак?

Философ на базарной площади, что ж, бывает и такое! Много людей вокруг, все разом говорят, что-то продавая или покупая, — это как раз то самое место, где только и может произрасти невероятно стойкое ныне убеждение: *любой* человек может всем, кто этого пожелает, и обо всем толково и внятно рассказать — надобно только научиться, овладеть соответствующими умениями и навыками. Вот и работает неустанно университетская фабрика...

«Университетская философия», имеющая хождение на рыночной площади, обладает одной примечательной особенностью: ею можно оперировать как чистой, безличной *информацией*, которой каждый может воспользоваться по своему усмотрению, то есть продать или обменять на более достойные социальные привилегии. Вопрос о содержании информации и о связи этого содержания с его носителем является, в лучшем случае, второстепенным, а в худшем — вообще излишним. Главное в информации — ее меновая стоимость, а в носителе информации — его коммуникативные навыки, позволяющие наиболее эффективным образом приумножить имеющийся капитал — не дай Бог, оказаться в убытке!

Не менее важным является и другой факт, правда, не столь очевидный: философия, низведенная до уровня безличной информации, позволяет ее носителю — студенту или преподавателю — оперировать ею, не находясь в *контакте* с самими собой, своим восприятием мира и вообще с тем, что реально происходит с нами. Создается ощущение, что,

занимаясь философией, мы проживаем не свою собственную, а чью-то другую, чужую жизнь. И это не мы, а тот, другой человек, маленький такой, плюгавенький, проговаривает за нас лекции, воспаряет мыслями, придумывает концепции, старается кого-то вести за собой, хорохорится, переживает из-за пустяков... Как много действительно важных, значительных вещей, связанных с тем, что мы могли бы *реально* сделать благодаря философии, проходит мимо, не входя в соприкосновение с нами! Разумеется, все можно понять: отсутствие контакта — удобная, психологически комфортная позиция, которую, на самом деле, никто из нас ни за что на свете не променяет! Слишком хорошо мы знаем, что значит быть в *реальном* контакте с кем-то или чем-то, каких это требует усилий с *нашей* стороны. А так — проблем меньше, но оттого меньше и живого философского дела.

Да кто он такой, в конце-то концов, этот самый «настоящий философ»?! Достоин ли он, неведь что возмнивший о себе, нашего к нему интереса? Пожалуй, что нет. Ведь в философии-то его интересует совсем немного — только Начала всего. И, конечно, не может философ разговаривать со *всеми*, но не потому, что он не хочет, а потому, что другие не хотят этого разговора — и так «голова пухнет»! И уж тем более, не может он *толково* рассказать о том, что ищет, потому что искомое для него самого является загадкой — как все это вообще возможно? Так на что же рассчитывает философ, входя в аудиторию, ведь он явно обитает в стороне от столбовой дороги? В чем смысл его работы со студентами, если он ничего не может рассказать из области теории денежного обращения и не способен научить N-му числу правил эффективной коммуникации?

Философ ведет беседы. Иногда он пишет. Эти две вещи — единственное, что он, как философ, может делать. Кому-то может показаться, что цель философской беседы, которую, как правило, старается затеять преподаватель на своих занятиях со студентами, — развернуть некое философское содержание и утвердить в нем себя, а еще лучше — других. На самом деле это далеко не так. Главное в философской беседе — не содержание, не идея, не причины и следствия, а наша попытка войти в контакт с тем, что лежит на поверхности, хотя и не чуждо глубины, что не требует объяснения,

вскрытия дополнительных условий, а ждет только *приятя*, то есть того, что можно было бы назвать «процессом» – те вдохновляющие нас изменения, которыми чреват каждый из нас и которые как бы неожиданно случаются с нами в ходе философской беседы, доставляя нам массу положительных эмоций. Идеи приходят и уходят, а вот что остается, так это наполненная смыслом, вдохновением и радостью жизнь, то есть «процесс». В таком случае работа преподавателя состоит не столько в том, чтобы объяснить, информировать, вести за собой, а в том, чтобы снова и снова «запускать» процесс. А все остальное – усвоение информации, понимание – произойдет само собой.. Далее я постараюсь, насколько это будет в моих силах, дать более развернутую характеристику того, что я назвал «процессом»; при этом интересовать меня будет вопрос чисто практический: как «запустить» процесс?

Поскольку процесс в моем понимании – нечто живое, случающееся (в данном случае) во взаимодействии студента и преподавателя, теоретизировать о нем в чистых понятиях бессмысленно. Да и просто скучно. Поэтому я решил изложение интересующего меня вопроса представить в форме воображаемого диалога двух собирательных персонажей – *Простеца* и *Философа*, которые помогут мне наглядно объективировать две известные позиции и тем самым смоделировать ситуацию «подключения» к процессу. Сразу хочу предупредить: меня интересует уровень идей и принципов; если я и описываю какой-то опыт, то, стараясь прояснить его для себя, максимально усиливаю какую-то одну его сторону, от чего-то вообще отказываюсь и не упоминаю вовсе, а что-то откровенно придумываю. То, что я обсуждаю на этих страницах, не имеет никакого отношения к моей реальной педагогической практике – я никогда ничего подобного не делал и не собираюсь делать! Поэтому я буду несказанно благодарен всем тем, кто возьмет на себя труд и постарается не отождествлять меня, автора данного текста, и те идеи, которые я вложил в уста своих персонажей относительно того, что должен делать преподаватель со своими студентами на занятиях по философии.

* * *

Философ (обращаясь к студенческой аудитории, состоящей из пяти человек): Ну что ж, друзья мои, начнем наши занятия. Сегодня мы встречаемся впервые, и – вам несказанно повезло – в первый же раз я решил нарушить установленное для себя правило: не раскрывать все карты заранее. Обычно я не предваряю нашу работу рассказом о том, как мы будем заниматься, давая аудитории возможность хотя бы некоторое время побыть в состоянии недоумения – иногда нахождение в этом состоянии бывает полезным. Так вот, наши занятия в этом году я бы хотел начать с обсуждения вопроса о том, что мне кажется важным в работе преподавателя философии со студентами. Буду рад, если вы откликнетесь и даже в этой едва философской теме найдете для себя что-нибудь поучительное. Пожалуйста, задавайте вопросы в любое удобное для вас время. Поверьте, для меня это важно.

Простец: Позвольте в таком случае воспользоваться предоставленной возможностью и сразу же задать вопрос: чем мы обязаны столь счастливому для нас событию – изменению ваших личных планов?

Ф: Ответу коротко: устал. Тяготит непонимание, злопыхательство недругов.. А если серьезно, полагаю, я просто созрел для обстоятельного разговора на эту тему. Что-то там у меня накопилось, чему непременно нужно дать выход и осознать.

П: И вы искренне считаете, что мы сможем помочь вам в этом?

Ф: А вот здесь вы, пылливый юноша, заблуждаетесь. На самом деле я нуждаюсь в помощи вашей в значительно большей степени, чем вы в моей, но только я, предусмотрительно, никому не говорю об этом. Гораздо приятнее надувать щеки и пускать слюни, сознавая свою исключительность. Дело в том, что вам ничего не стоит прожить без разговора на философские темы, а мне это сделать теперь уже почти невозможно. Вот и приходится прятать свои маленькие слабости за напускной важностью – если вам не надо, то мне зачем? И т. п. И все же, об одном одолжении я бы хотел вас попросить: вы мне действительно поможете, если будете чуть больше сконцентрированы и собраны во внимании к тому, что происходит в этой аудитории с вами, вашими друзьями и со

мной. А сейчас, если нет других вопросов, позвольте перейти к сути нашего дела. Занятия философией замечательны тем, что каждый в философии может найти то, что ищет. И окажется прав. Философия для меня – прежде всего определенный образ жизни. Если занятия философией не помогают мне при неблагоприятном стечении обстоятельств наладить отношения с близкими людьми, не прибавляют мне понимания, не делают мою жизнь более осмысленной и цельной, грош – цена моим занятиям, будь я хоть трижды доцент.

П: Простите, мне не совсем понятно, что вы имеете в виду, когда говорите о философии как образе жизни? Разве математик или психолог не живут в качестве таковых в свободное от работы время? Мой школьный приятель, между прочим, очень хороший человек, основательно «запал» на математику. Сколько его помню, он вечно решал какие-нибудь задачки, невзирая на место и время.

Ф: Разумеется, хороший математик, как и любой другой увлеченный своим делом человек, выстраивает свою жизнь так, чтобы в ней было как можно больше места для удовольствий, которые он извлекает, занимаясь любимым делом. Но я говорю немного о другом. Во-первых, в содержании математического знания не заключен призыв заниматься своей жизнью, и потому, во-вторых, математика, по крайней мере, в той ее форме, в какой она существует сегодня на Западе, не может выступать в качестве инструмента осознания конкретным человеком самого себя. Языком для иллюстрации глубоких философских проблем, да, математика может служить решению этой задачи, но не более того. В философии дело обстоит прямо противоположным образом: достижение конечной цели философствования (а я верю, что такая цель в философии существуют, и она достижима) прямо зависит от того, насколько серьезно сам философствующий способен проработать содержание своей жизни. И философия указывает на инструменты, годные для этой проработки, которыми сама же и располагает. Справедливости ради необходимо заметить, что инструменты эти не являются достоянием одной философии. Их использует та же психология. Но у психологии свой собственный путь, она не решает философских проблем. Кроме того, психология сегодня за редким исключением существует в форме академической науки или безудерж-

но бравых психотехнологий; разрыв между тем, что делает человек в науке, и тем, как он живет, увы, не преодолевается и здесь. Напротив, занимаясь философией, человек не может одновременно не заниматься своей жизнью.

П: Я понял! Различие между увлеченным математиком и философом состоит в том, что последний не может позволить себе быть «немного помешанным»... Я хотел сказать: не сознать самого себя. Вроде как надо понимать, что ты, где и как делаешь.

Ф: Совершенно верно. Сильному увлечению чем-либо никогда не мешает соседство с нашей способностью осознать, куда мы вместе со своим любимым делом «вляпались»... Однако время наше стремительно сокращается, давайте двигаться дальше. В какой-то момент, занимаясь преподаванием философии, я понял, что академическая философия мало что может дать мне в отношении того, что я ищу. Должен сказать, меня это некоторое время удручало, но бороться с академической философией я не стал. Я просто позволил себе, оставаясь на прежнем месте, делать то, что мне нравится. Иногда меня мучили разнообразные сомнения: правильно я поступаю или нет, отвечает это некоему идеалу философии или нет? Но со временем все сложилось как-то само собой, постепенно я пришел к тому, что имею на данный момент. Убежден: философией заниматься жутко интересно, ибо нет ничего более волнующего, чем вопрос о Началах всего. А если вдобавок к этому философия рассказывает о том, как научиться жить и действовать в соответствии с фактами, увиденными в свете Источника, наше повседневное существование становится для нас совсем необременительным. Понимаете, в чем прелесть преподавания философии?! Состоя на государственной службе, будучи (для других) абсолютно серьезным человеком, можно одновременно (для себя) столь же нешуточно быть самим собой и преспокойно решать проблемы собственного личностного роста, например, совершенствования глубины и остроты осознания. По-моему, это здорово!

П: Ну да, тогда настоящий философ – это человек, который способен решать личные проблемы за казенный счет...

Ф: Ишь, как вы развернули. А впрочем, почему бы и нет, но при двух существенных оговорках: во-первых, если

«личной проблемой» для нас является философствование, а не преследование так называемых «личных интересов», и, следовательно, во-вторых, если мы способны в своем философствовании подняться до проблем, которые могут быть интересны другим людям. И вот теперь в связи с личной для меня задачей совершенствования остроты осознания давайте введем важное для всех нас сегодня различие содержания осознания, инструмента осознания и того, что я называю «процессом». Одна и та же философская идея может быть рассмотрена с точки зрения содержания, инструмента осознания и в качестве катализатора процесса. Остановимся на этом подробнее. Кто-нибудь из вас немного знаком с историей философии?

П: Да, но крайне поверхностно.

Ф: Ничего страшного не вижу в этом. Не могли бы вы назвать первую пришедшую вам в голову философскую концепцию?

П: Пожалуй. Вот, например, Платон, его теория идей.

Ф: Платон, ну, конечно, Платон! Что может быть для нас лучше, нежели его концепция идей?! Скажите, пожалуйста, что такое идея в соответствии с вашим пониманием платоновского учения?

П: Боюсь, вы ставите для меня непосильную задачу.

Ф: Тем не менее, я настаиваю.. Уверяю, вы ничем не рискуете.

П: Ну что ж, если так, попробую.. Платон учил, что все вещи на земле являются жалкими подобиями идей, которые существуют «на небесах». Стало быть, лучший путь «на небеса» – это занятия философией, познание идей. Что-то Платон говорил еще о «припоминании».. По-моему, наше познание подобно «припоминанию», потому что мы «на небесах» уже были и нам достаточно здесь «вспомнить» то, что мы видели там.

Ф: Очень даже неплохо, особенно о философии как пути «на небеса» через познание идей. Но я бы хотел обратить ваше внимание: вы так и не ответили на мой вопрос: что такое идея? Из вашего ответа я понял одно: познание идей здесь, на земле, открывает нам путь «туда», на небеса. Я заинтригован: мне уже сейчас хочется «на небеса», а Платон знает, как нам всем там оказаться. Честное слово, я ничем другим не буду заниматься, пока не разберусь: что сове-

тует по этому поводу Платон. Так как мне оказаться на небесах, будучи еще здесь, на земле?

П: ...

Ф: Что такое? Что странного в моем вопросе?

П: Ну, неожиданно все это. И слишком серьезно, что ли. Мы не были готовы к таким вопросам. Тем более вы говорите как-то по-особенному. Ну, я не знаю, как будто вы на стороне Платона, как будто Платон был прав.

Ф: А почему бы и нет? Постарайтесь, пожалуйста, понять: Платон считал, что если и стоит заниматься каким-то делом, то лучше всего тем, которое утверждает нас в вечности, открывает дорогу «на небеса». Все остальное лишено смысла. Платон чрезвычайно серьезно относился к своим занятиям философией. Вам что-то мешает прямо сейчас быть столь же серьезными?

П: ...

Ф: Понимаю.. Тогда давайте-ка лучше поговорим о карандашах. Назовите, пожалуйста, свойства вот этого моего карандаша.

П: ...

Ф: У всех предметов есть свойства: стол может быть деревянным, человек – жизнерадостным, погода – солнечной..

П: Вы это имеете в виду? Мне подумалось, что от меня будут требовать чего-нибудь эдакого, крайне серьезного.. Тогда все просто: ваш карандаш – деревянный, светло-зеленого цвета, наверняка, любимый вами, у него есть свой размер, вес и т. д.

Ф: Замечательно! Ну и какое свойство моего карандаша является, с вашей точки зрения, самым главным, существенным?

П: Наверное, то, что он любим вами.

Ф: Прекрасно, давайте поговорим обо мне... Безусловно, у меня есть свои пристрастия, как-нибудь я расскажу вам о том, что люблю больше всего на свете, но сейчас-то речь идет не обо мне, мшелоимце. Я еще раз спрашиваю: какое свойство является в карандаше неотменимым?

П: Ну, конечно, грифель, грифельный стержень! Как я не догадался раньше?!

Ф: Именно. Все остальные свойства случайны (шариковые ручки бывают деревянными и т. д.), но только одно – грифельный стержень – является необходимым, существенным. Уберите его – обладатель этого свойства тут же исчез-

нет. Карандаш перестанет быть карандашом, превратившись в обычную светло-зеленую деревяшку. А мы в лице этого свойства потеряем оператор *различения*. Мы просто не сможем отличить в нашей мысли карандаши от бутербродов, самолеты от бегемотов. *Зная* сущность карандаша, *зная*, что его бытие определяет «грифельность», мы получаем в свое распоряжение *реальную* свободу использования этого свойства в разном эмпирическом материале – карандаши бывают деревянные, пластмассовые, металлические, маленькие, большие, гигантские и т. д. Вот эту сущность или существенное свойство Платон и называл *идеей*.

П: Я правильно вас понял: идеи закрыты для восприятия их органами чувств, идеи можно только мыслить?

Ф: Да, верно. Идеи можно только мыслить. Любопытно, однако, что Платон именовал идею также *видом* или *эйдосом*. Стало быть, идеи можно еще и видеть. Не давать определения: карандаш – это..., а увидеть «грифельность» в образе. Например, для меня карандаш – это прежде всего «химический карандаш» из моего детства с толстым густо-фиолетовым грифелем, обрамленным со всех сторон изрядным количеством натурального, с характерным пресным запахом, дерева. Пользоваться им было чрезвычайно интересно: сначала предполагалось засунуть его в рот, хорошенько пожевать и только потом с большим удовольствием прочертить жирную линию, превратив ее в деталь самолета или часть человеческого тела. Все грифели с тех пор носят для меня один оттенок – фиолетовый..

П: Тогда я ничего не понимаю: вы только что сказали, что идеи нельзя воспринимать с помощью органов чувств, а теперь вы утверждаете, что их можно представлять в образах. Как соотносятся эти два ваших высказывания?

Ф: Видимо, для вас образное восприятие есть разновидность чувственного восприятия, чему, вероятно, способствовал мой пример с «химическим карандашом». А это не совсем так. «Грифельность» в образе «химического стержня» воспринимаю только я, мой случай – *единичный*, как и любое чувственное восприятие. Кто-то другой то же самое будет воспринимать иначе. Но бывают образы, которые обладают *общезначимой* (как идеи в мышлении) природой. Например, К. Г. Юнг, опираясь, кстати, на Платона, говорил об

архетипических образах, проявляющих себя в воображении всех без исключения людей. Вы сны видите?

П: Да еще какие!

Ф: Тогда вам, наверняка, часто снится дорога или пожилые люди, вы, несомненно, с кем-то боретесь, кого-то побеждаете, празднуете победу, достигаете цели вашего путешествия и т. д. – все это архетипы, живущие как бы своей жизнью и по-своему (в зависимости от конкретных деталей сновидческого сценария) проявляющиеся у каждого из нас. Дело в том, что воображение наше так же, как и мышление, автономно, относительно независимо от эмпирического, непосредственно воспринимаемого мира. Человек может вообразить себе все, что пожелает, даже то, чего никогда не было в реальности, хотя его образы, безусловно, будут нести черты мира, в котором он живет. Специфическая образность компьютерных игр и современного массового кинематографа является в этом случае весьма показательным примером. А с другой стороны, вероятно, есть какие-то пограничные области в мышлении определенных предметов (мысли), которые осуществляются исключительно посредством образов. Не случайно многие мыслители-мистики были поэтами, и порою весьма неплохими. Восприятие идей не в понятиях, а в более или менее общезначимых образах (с обязательной поправкой на индивидуальность воспринимающего) называется интеллектуальным созерцанием. И, разумеется, попрактиковаться в использовании созерцания может всякий, а не только избранный..

П: Понятно, это радует. А как быть с тезисом о том, что созерцание идей ведет «на небеса»? Что имел в виду Платон, когда говорил так?

Ф: Я уже утверждал выше: философия Платона имеет один общий контекст – это «небеса», Благо, Единое, Абсолютное, называйте, как хотите. Шутки в сторону, все очень серьезно у Платона. Занимаясь философией, мы преследуем одну цель – стремимся в душе своей воссоединиться с Источником. Но здесь есть один момент: Благо или Источник всего (в том числе и всех идей) по определению *умопостигаемо*. Для того чтобы приблизиться к его постижению (насколько это возможно для человека), необходимо постоянно тренироваться в чисто интеллектуальном познании и созер-

цании. Этой «тренировочной цели» и служит философствование. Посредством философствования мы научаемся во всем видеть следы присутствия Абсолюта в нашем мире – идеи.

П: Значит, идеи – зримые следы присутствия Абсолюта в нашей душе, тогда «небо» и есть созерцающая идеи душа наша.

Ф: Молодец! Очень даже неплохо. В некотором, самом общем виде ваше суждение действительно является верным, хотя здесь многое необходимо уточнять. А теперь сделаем следующий шаг в нашей беседе. Мы знаем, что такое идея по содержанию – это сущность предмета, его существенное свойство (есть и другие аспекты в платоновском понимании идеи, но давайте пока разберемся хотя бы с одним). А сейчас попробуем использовать платоновскую идею в качестве *инструмента* осознания себя. Поясню, что я имею в виду. Когда вы знаете, что из себя представляет нечто, вы можете использовать его в качестве средства решения определенных проблем. Какую цель мы преследуем, используя платоновскую идею в качестве средства? Что мы собираемся делать? Платон однозначно отвечает на этот вопрос: мы занимаемся *познанием*. Из истории философии и логики мы знаем, что в качестве *инструмента* познания идея используется как *понятие*.

П: Простите, я перебиваю вас, но мне хотелось бы уточнить: насколько мне известно из курса логики, ваше определение идеи совпадает с определением понятия. Значит ли это, что по содержанию они тождественны?

Ф: Да, вы правы. По содержанию эти понятия тождественные, но не по их функции и месту в философской системе Платона. Представление об идее вводилось Платоном в контексте разговора о принципах устройства мира. (Раздел философии, где обсуждается вопрос о реальностях самого разного рода и принципах, на которых основано их существование, называется онтологией.) В этом контексте идея – истинное бытие; именно к нему устремлена душа философа. Но та же самая идея, рассмотренная в качестве *инструмента* размышления в логике, превращается в понятие. Идея становится предметом мышления. Однако Платон, как вы, вероятно, помните, говорил также и о том, что идеи могут восприниматься человеком посредством образов. В этом случае идеи являются предметом другой нашей способности – интеллек-

туального созерцания. Именно интеллектуальное созерцание часто использовалось многими адептами метафизики в качестве одного из подручных инструментов для реализации их цели – познания Абсолюта. Но сейчас я бы хотел предложить вам поупражняться в созерцании идеи не с целью решения чисто метафизических проблем, а с более скромной задачей развития навыков осознания себя.

П: Но почему осознание себя? Разве нам нечем больше заняться?! Вы только что говорили о возвышенных целях для познания, мне не хочется ковыряться в себе, как в собственном носу!

Ф: Сожалею, но этой работы над самим собой (вплоть до выковыривания из себя самых разных вещей) избежать нам никак не удастся. Если, конечно, вы действительно хотите понять, чем занимается философия. Я ведь вам уже говорил: философствование не цель, а средство, благодаря которому мы раскрываем себя, свое сознание, свою душу навстречу Абсолюту. Мы тренируемся в навыках сосредоточенности на особых предметах познания, в умении различать, избегать некоторых вещей и т. п., но самое главное – мы упражняемся в способности *жить* определенной целью. По крайней мере, так считал Платон. Весьма прискорбным является тот факт, что большинство современных философов довольствуются одним уровнем абстрактного мышления. Им достаточно просто *знать*, что нечто есть. Но даже сегодня можно найти философов-аборигенов, для которых непременно нужно *быть* в предмете познания. Тем более, когда, как вы говорите, речь идет о таких возвышенных целях.. Ну что, попробуем?

П: Ладно. Но только я не собираюсь ничего рассказывать про себя!

Ф: Хорошо, мы учтем ваше пожелание.

П: Минуточку! Я все же хотел бы знать: на что вы меня подбиваете? Вроде как мы собираемся созерцать свой собственный пуп, объясните мне – зачем это нужно? Все, что говорилось ранее о созерцании, имело смысл в рамках метафизического познания. Теперь вы утверждаете, что мы не будем обсуждать метафизические вопросы, а займемся собой. Для чего? Я готов заниматься собой и вообще чем угодно, но только я должен знать: с какой целью я буду все это делать?

Ф: Хороший вопрос! Но я не хотел бы отвечать на него сейчас, потому что это означало бы пуститься в длинные и к тому же изрядно занудные рассуждения о том, что является для меня важным в метафизике, вместо того, что бы реально что-то сделать. Скажите, пожалуйста, а вы можете что-то сделать, не преследуя каких-либо целей, всецело вручая себя тому, что происходит?

П: Да, но при условии, если происходящее не связано с необходимостью делать то, что мне крайне противно.

Ф: Хорошо, я понял: вам нужны гарантии. Скажите, пожалуйста: все, что мы делали прежде, если следовать вашему чисто эстетическому критерию, было для вас очень противно?

П: Ну, как вам сказать... Нет, конечно. Но вдруг вы меня сейчас втянете в какую-нибудь грязную историю.

Ф: Ничего не могу гарантировать... И потому ради успокоения не вашей, но своей собственной, изрядно замаранной совести могу сказать следующее: осознание связано с решением метафизических проблем, но только проблемы эти можно обнаружить не там, где их обычно искали, но и в местах очень даже неприличных. Например, в человеческом теле.

П: ... Ну вот, что я говорил!

Ф: А я ничего и не обещал! Вы знакомы с понятием симптома?

П: Простуда, например, проявляет себя в нескольких симптомах: слабость, насморк, першение в горле и т. д.

Ф: Обратите внимание: если мы посмотрим на понятие симптома с точки зрения платоновской концепции идей, можно сказать, что «простуда» — это сущность, идея, а «симптом» — явления идеи в каких-то ее атрибутах. Сущность как бы скрывается за своими явлениями. Нужно знать как можно больше явлений для того, чтобы обнаружить первопричину или сущность — болезнь. А что, если идея никогда и не думала прятаться, просто мы ее по каким-то причинам не хотим видеть. И тогда наша задача будет состоять в том, чтобы самому захотеть увидеть идею, например, свою болезнь, дать ей проявиться в полной мере и посмотреть, что получится... В таком случае симптом не будет «явлением», но будет самой «сущностью», с которой нам не нужно бороться как с некой болезнью, напротив, нужно постараться принять его и дать ему развернуться перед нашим взором.

Должен сказать, что на этом пути нас ждет немало дивных открытий. Если, конечно, мы будем способны собрать себя во внимание и начнем неторопливо осознавать происходящее. Может, тогда мы что-то важное и «припомним» в платоновском смысле этого слова. Ну что, поработаем?

П: А у нас есть выбор?

Ф: Конечно. Я готов работать только с теми, кто хочет этого. Вы все время ждете какого-то подвоха.. Разумеется, что можно ждать хорошего от преподавателя философии?! Неужели, друзья мои, все так удручающе плохо? А между тем, наша задача довольно проста: понять, как возможно созерцать идеи, и попробовать это сделать самому. Единственное, что может вызывать опасения, — у нас будет не совсем обычный объект созерцания. Но ведь это не так уж и страшно, не правда ли?! Итак, я обращаюсь ко всем, кто готов воздать должное платоновскому «анамнезису», хотя и в несколько отредактированной форме. Начинаем. Пожалуйста, обратите внимание на то, как вы сейчас сидите. Зафиксируйте в своем теле участки, связанные с наибольшим мышечным напряжением. Это легко сделать, если попытаться расслабиться.

Некоторые из студентов стараются это сделать, закрыв глаза, другие просто наблюдают за тем, что происходит.

А теперь вспомните, пожалуйста, не связан ли у вас с одним из участков наибольшего мышечного напряжения какой-нибудь хронический болевой симптом, время от времени вас беспокоящий. Не обязательно, чтобы он в полной мере проявлял себя сейчас.

Какое-то время в аудитории царит тишина. Затем, набравшись смелости, но все еще робко говорит девушка.

П: Мне неловко говорить, но у меня часто болят руки, кисти рук.

Ф: У вас и сейчас болят кисти рук?

П: Да. Мне даже кажется, что они заболели еще больше.

Ф: Постарайтесь, пожалуйста, не бежать от своей боли, но ощутить полнее то, что происходит с вашими руками, когда вы чувствуете в них боль. Ведь ваша боль не такая уж сильная, чтобы она основательно мешала вам работать над собой. Скорее всего, она для вас привычна, вы давно уже смирились с ней. Попробуйте точнее локализовать ее, почув-

чувствует изменение температуры в этом участке тела, усиление кровотока, то есть сделайте все, чтобы как можно полнее и конкретнее ощутить то, что происходит у вас в кистях рук.

Спустя несколько минут.

Ф: А теперь я бы попросил вас создать зримый образ того, что вы ощущаете в настоящий момент. Ваше ощущение должно отлиться в наглядный, визуальный образ того, что есть ваша боль в кистях рук. Картинка, рисуемая вашим воображением, может быть какой угодно, но важно, чтобы творимый вами образ был конкретным, с довольно детально «описанными» чертами. Не жалейте на это время. Затем, когда образ будет создан, постарайтесь «оживить» картинку – пусть она придет в движение, начнет развиваться помимо вашей воли. Просто созерцайте как бы со стороны то, что разворачивается перед вашим взором.

Проходит еще немного времени.

П (раздраженно): У меня ничего не получается. Я ничего не могу придумать!

Ф: Может быть, вы просто не позволяете себе войти в контакт со своим воображением? Не бойтесь что-нибудь придумать. Фантазируйте! Поверьте, есть вещи, которые мудрее нас с вами... Фиксируйте первые пришедшие вам в голову образы. Если их несколько, посмотрите, какой из них вам пришелся больше всего по душе. Ну как, получается?

После небольшой паузы.

П: Да. Я еще раз сосредоточилась на своих руках. Первоначально у меня возникали смутные образы, один образ наслаивался на другой, но потом я достаточно четко увидела кисти своих рук – они напомнили мне лоскутья коричневой, с красноватыми отливами материи, ключьями (в форме пальцев) ниспадающей вниз, к земле. А еще мне показалось: в этой материи, где-то среди ее многочисленных складок что-то есть. Подождите... Может быть, это... птица или что-то еще, запутавшееся в складках моих матерчатых рук. Я не уверена. Я ничего не вижу, но знаю, там что-то есть.

Ф: Замечательно! А теперь внимание! Скажите, пожалуйста, вам не доводилось видеть сны, в которых бы встречались мотивы, сходные с образами, созданными вашим воображением только что?

П (удивленно): Вы знаете, да! Я помню, по крайней мере, два сна, имеющих отношение к тому, что происходило сейчас. В одном сне я вижу себя с перебинтованными руками – я не могла пошевелить ни пальцами, ни кистями своих рук. Я не знала, кто и почему перебинтовал мне руки, у меня не было видимых ран, я не испытывала никакой боли. Но это было довольно неприятное ощущение, которое я не могу забыть до сих пор. Второй сон я видела совсем недавно, буквально на днях: я нахожусь в каком-то неведомом для меня помещении, и среди прочей утвари вижу клетку с красивыми домашними, но молчаливыми птицами. Почему-то я обратила внимание на их грустные, совсем как у людей, глаза. Мне захотелось выпустить птиц наружу, но я не нашла дверцу от клетки. Что-то я пыталась сделать, но дальше своего сна я не помню. Помню только усилие, связанное с желанием открыть клетку.

Ф (обращаясь к аудитории): Обратите внимание: образы, которые мы «творим» в бодрствующем состоянии относительно нашего тела, какими-то неисповедимыми путями связаны с образами сновидений. Видимо, есть какая-то форма нашего опыта, в которой воедино сводятся тело, мир наших телесных переживаний и мир сновидений. Создается впечатление, что эта форма опыта выражает себя как посредством наших перцептивных реакций, так и с помощью образов сновидений. Пока просто запомним это. А теперь возвратимся к нашему эксперименту.

Ф (обращаясь к девушке): Я хочу, чтобы вы обратили внимание на одну деталь – посмотрите, как вы сейчас держите свои руки.

П: Как обычно, я не вижу ничего особенного.

Слово берет юноша, сидящий рядом с девушкой.

П: Посмотри, у тебя руки сжаты в кулаки – ты кому-то хочешь надавать тумаков?

П (девушка, смеясь): Ничего я не хочу! Действительно, это так! Я никогда не обращала на это внимание.

Ф: А теперь постарайтесь осознать кисти ваших рук. В настоящий момент вы осознаете не боль, а кисти рук в сжатом, скованном, привычном для вас состоянии. Усильте это состояние, сжимайте свои руки сильнее... Еще сильнее, максимально сильно, во всю свою неджинную девичью силу...

Минуту спустя.

Ф: Хорошо. Расслабьте, пожалуйста, кисти ваших рук. Сцепите пальцы рук, поводите ими из стороны в сторону, встряхните руки, сделайте все возможное для того, чтобы основательно их расслабить. Почувствуйте свои руки свободными и раскованными. Сейчас я подойду к вам.

Подходит к девушке.

Я бы хотел поздороваться с вами так, как это обычно делают мужчины. Здорово!

Протягивает девушке руку, здороваясь с ней. Девушка в ответном робком жесте подает свою руку.

Давно не виделись, как дела?

Жмут друг другу руки.

Ф (обращаясь к аудитории): Кто что заметил?

Юноша, сосед девушки.

П: Мне показалось, моя соседка отдернула руку при первом же прикосновении, как будто она боялась этого прикосновения.

Ф: Вы очень наблюдательны. Мне тоже так показалось. И это не боязнь преподавателя, взрослого человека, с которым как будто нельзя запросто поздороваться за руку.

П (девушка): Да, вы правы, я не люблю здороваться за руку с кем бы то ни было.

Ф (обращаясь к девушке): Тем не менее, вы можете почувствовать свои руки свободными, совершенно свободными? Попробуйте сделать это!

П: Боюсь, у меня не получится.

Девушка пытается сосредоточенно работать.

Ф: Представьте, что вы можете делать ими множество полезных и просто приятных вещей – все спорится в ваших руках..

П (резко): Я не могу представить ничего такого!

Ф (продолжает, не обращая внимание на то, что говорит девушка): Все, что захотите, все могут делать ваши руки – порядок и чистота, необыкновенное блюдо..

П (еще резче, повышая голос): Я не могу представить это!

Ф: Ваши руки мягки и податливы, они чрезвычайно чувствительны, нежны, ласковы...

П (почти со слезами на глазах): Я не могу... (затем неожиданно для себя): потому что я плохая..

Ф: Кто вам говорил, что вы плохая?

Минуту спустя.

Наверное, вам выговаривали примерно так (произносит страшно гнусава и корча смешную рожицу):

Ты – противная девчонка, у тебя все валится из рук. Ничего нельзя поручить! Только и знаешь, что книжки читаешь, а как дело до чего серьезного доходит..

П (улыбаясь, взволнованно): Я вспомнила! Спасибо, я поняла! Только все было совсем не так..

Ф (также взволнованно): Это не важно! Вы только ответьте мне на один вопрос: вы теперь понимаете разницу между руками забинтованными, скованными и руками свободными, расслабленными, уверенными, нежными?

П (вдохновенно): Да, теперь я определенно понимаю: это разница между мной «плохой» и «хорошей девочкой», неуверенной, неумехой-тряпкой, ничего не могущей удержать в своих руках.. Я поняла, что могу позволить себе быть «хорошей». Я действительно многое могу делать сама. Я просто не разрешала себе думать иначе! Теперь я понимаю, что означает повторяющийся образ птицы..

Ф (обращаясь к аудитории): А сейчас постараемся «вспомнить» важнейшие моменты в том, что произошло только что в этой аудитории. Кто-то хочет высказаться?

П: Я понял три вещи: во-первых, идеи могут жить в нашем теле в виде болевых симптомов – это некие наши представления о себе, с которыми мы срослись по определенным причинам, но они не отвечают нашей сегодняшней природе, конфликтуют с ней и потому сигнализируют о своей несостоятельности странной, казалось бы, беспричинной, болью; во-вторых, осознание телесной идеи-симптома (в данном случае благодаря созерцанию образов) и есть платоновское «припоминание» – понимание того, что случилось некогда с нами; в-третьих, осознание трудно.

Ф: Хорошо. У кого еще есть соображения?

П: Меня интересует метафизика, и я пришел к выводу, что мои представления о ней были несколько упрощенными, основанными на жестком противопоставлении «духовного»

и «телесного». Пример созерцания телесной идеи-симптома показал мне, что в нашем опыте есть нечто, что я пока не до конца понимаю, что для меня пока не имеет названия, но, очевидно, это нечто является единым источником как телесных ощущений, так и образов сновидений.

Ф: Полагаю, вы правы: не стоит спешить с именовани­ем того, что не до конца вам понятно. Литературы на этот счет теперь имеется в достатке – можете рассмотреть этот вопрос самостоятельно. Потом обязательно обсудим. Для нас было важно показать, что этот единый континуум «дух–тело», требующий особого языка для своего выражения, просто есть. И я рад, что вы почувствовали его присутствие на своем опыте.

П: А у меня вопрос: можно ли считать проделанную нами работу с осознанием идеи-симптома терапией?

Ф: Скорее нет, чем да. Я вообще не очень люблю это слово «терапия». За любой терапией стоит «терапевт», прописывающий нам таблетки или иную технологию борьбы с физиологическим или психологическим недугом. Терапевт знает все за нас и помимо нас. Мы ему нужны только для того, чтобы подтвердить или уточнить его диагноз. Я хочу сказать: терапия предполагает воздействие по отношению к нам *извне* и, к сожалению, с минимальным нашим участием. И нам это очень удобно, потому как требуется от нас ничтожно мало – просто принимай таблетки, заучи два-три полезных правила, выполни незамысловатый ритуал. Разумеется, терапии и терапевты бывают разные. Я имею в виду расхожие представления о терапевтическом эффекте, когда все, словно по мановению волшебной палочки, случается само собой и без вашего участия. Метафизика обращается к необходимости человека проработать содержание своей жизни самому, то есть требуется воздействие *изнутри*, а не *извне*. Должна быть нацеленность на изменения, на то, что я называл «процессом». Казалось бы, педагогика взывает к необходимости человека «стать другим», она апеллирует к нормам и ценностям, которые непременно должны быть индивидуализированы. Но и педагог исходит из того же допущения, что и терапевт: его задача – сделать так, чтобы существующие в обществе нормы и ценности были усвоены подрастающим поколением, то есть опять-таки предполагается воздей-

ствие на человека *извне*, но теперь уже со стороны имеющих в наличии норм и ценностей. Однако есть другой термин, который мне представляется более уместным в нашем случае, – это «психогогика». Задача психогогики в том ее значении, которое придавал ей Мишель Фуко, состоит в том, чтобы снабжать человека представлениями, знаниями, основная функция которых – изменение способа существования человека. А это именно то, что нам нужно. Задача психогога – индуцировать в человеке изменения, запустить «процесс», и для этого мы должны акцентировать внимание не на себе как «терапевте», сознающем чужие симптомы, и не на внешних по отношению к нам нормам и ценностям, которые необходимо индивидуализировать, а на субъекте возможных изменений, на его индивидуальном «процессе». Таким образом, терапевт может выступать в качестве психогога, а может и не выступать таковым, педагог может быть психогогом, а может не быть им. И точно так же философ может быть или не быть психогогом.

П: У меня тоже вопрос: не могли бы точнее определить взаимозависимость метафизики и психогогики?

Ф: А что вам непонятно?

П: Видите ли, наверное, я все же ориентируюсь на привычные представления о философии. Мне кажется, что в философии нет такого положения, которого нельзя было не знать без всяких там «проработок» и изменений себя.

Ф: С этим никто не спорит – все на свете можно знать «одной головой». Или «чистой верой». Вместе с тем, у меня нет сомнений: есть вещи, в существовании которых лучше всего быть твердо убежденным – быстрее будешь двигаться дальше... Ну, и опять же, всегда полезно что-то «вспомнить» про себя... Кроме того, есть еще такая штука – «процесс». Впрочем, разумеется, вы правы – это дело личного выбора. Приходите в следующий раз, сочтем ваши бонусы... Есть еще вопросы? Прекрасно. Вот и настало время поговорить о «процессе». Я постараюсь ввести представления о нем в форме «припоминания» того, что происходило у нас на занятии.

П: Разрешите поделиться догадкой – мне не терпится! Процесс – это то, что происходило на занятии, это сама наша беседа.

Ф: Вы правы в том, что есть *один* процесс, но сейчас мне бы хотелось акцентировать внимание на индивидуальной составляющей процесса. Итак, что такое процесс, если посмотреть на него с точки зрения человека, в нем – процессе – как бы оказавшегося? Прежде всего, хотелось бы обратить ваше внимание на то, что фактически мы все время говорили об *осознании*. Сначала мы ввели представление об идее в платоновском ее понимании, которую, как вы помните, можно либо мыслить, либо созерцать. Мы отметили, что познание идей представляет собой путь «на небеса». Затем оказалось, что к «небесам» имеет отношение душа наша и потому попать «на небеса» можно уже здесь, на земле – для этого надо научиться созерцать идеи. Нам не оставалось ничего другого, как попрактиковаться в созерцании идей, правда, здесь мы дерзновенно пренебрегли рекомендациями Платона, считавшего тело не достойным объектом своего внимания. В этой связи я бы хотел сказать две вещи. Во-первых, кто-то из вас ввел образ «небес» как того, к чему устремлена душа философа. Так вот, используя эту метафору, можно сказать, что «небеса», достигаемые уже здесь, на земле, – это и есть процесс. Значит, процесс – «дело серьезное». Он, безусловно, как-то связан с бытийной тайной, с убеждением в существование того, что некоторые сочтут для себя нелепым, смешным, абсурдным, несуразным, невозможным. Следовательно, во-вторых, активировать процесс можно, лишь обращая внимание на нелепицы, несуразности, на то, что многим кажется бессмысленным и невозможным, что мы и пытались делать с большим или меньшим успехом. И вот здесь, вы, вероятно, заметили это сами, ведущая роль в «деле активации» процесса принадлежала осознанию. Давайте немного времени уделим вопросу чисто терминологическому. Что такое осознание или осознание? Есть у вас какие-то соображения на этот счет?

Л: Да. Осознание – это самосознание, то есть сознание, делающее предметом самое себя. Например, сейчас мы осознаем то, о чем думали прежде.

Ф: Верно, мы использовали осознание в этой привычной для философствования функции. Но есть еще одна сторона осознания, о которой я бы тоже хотел замолвить словечко. Вспомните, пожалуйста, как мы осознавали ощу-

щения в своем теле. В какой функции использовалось осознание в этом случае?

Л: Мне кажется, в регистрирующей функции, мы просто фиксировали ощущения и образы, которые нас посещали.

Ф: Это действительно так. На этот случай есть хорошее английское слово *awareness* (существительное, образованное от глагола *to be aware of*), которое буквально означает сознание, осведомленность. Тогда осознание – это осведомленность в том, что происходит с нами в настоящий момент времени; это состояние бдительного бодрствования – мы наблюдаем за течением событий в нашем теле или сознании, постоянно их регистрируя. А теперь вернемся к нашему «случаю с кистями рук» – мне хотелось обратить ваше внимание на еще один важный момент в характеристике того, что я называю «процессом». Вспомним, что происходило с вашей сокурсницей в момент нашего с ней диалога. Когда перед ней была поставлена задача почувствовать свои руки свободными и раскованными, она, разумеется, не смогла сразу же осуществить это; она остановилась, словно перед стеной, остро сознавая свою беспомощность («Я не могу представить это!»). На языке философии и психологии это состояние человека называется *пределом* или *краем*. Предел фиксирует границу, за которой может простираться «новая жизнь» – понимание, решение проблемы, новая идентичность. Одним из симптомов нахождения на краю является мощное сопротивление, которое мы проявляем по отношению к новым начинаниям, к невозможному и абсурдному для нас, – мы требуем гарантий, мы испытываем чувство неуверенности, нам кажется, что ничего не выйдет, ничего у нас не получится и т. д. А вот переступит кто-то через край или не переступит, победит он своего демона сопротивления или нет – здесь все зависит от самого человека и, наверное, еще от чего-то.. Нельзя никого насильно втянуть в понимание или в другой образ жизни. Не подлежит сомнению одно: понимание, касающиеся глубины нашей, понимание, раскрывающее для нас новые горизонты, связано с превозмоганием предела. И вот здесь я смиренно останавливаюсь и откровенно признаюсь: не понимаю, не могу объяснить, как все это происходит. Как наша работа осознания порождает «процесс»? Как из этого «процесса» рождается понимание? И как все это

взаимосвязано друг с другом? А может быть, это и не нужно знать? Может быть, гораздо важнее для нас *быть* в процессе? Время нашего занятия истекло. Я благодарю вас за работу. Всего вам доброго.

П: Спасибо вам. До свидания.

* * *

Преподаватель входит в аудиторию..

С. А. Лушаев

**Топологические метаморфозы слова:
от речи к экрану
(к анализу у-словности присутствия)***

Образ человека – слово. Все, имеющее место, имеет его через слово. Слово делает человека уместным. Человек образован словом, у-словен. Кем-то и чем-то он становится только через слово. Через слово (слово матери, отца, друга, учителя, Бога) он обретает форму. Человек обнаруживает себя как место-имения-слова, как «я» и как «мы». Он – место для слова и, следовательно, для мира.

В слове тела обретают место, присутствуют. Имея тело, человек имеет для него место. Бессловесное тело – тела не имеет. *Иметь* тело – значит быть словесным существом; *иметь* тело (слово, мысль) – значит *именовать*. Человек вмещает слово, слово вмещает человека.

Но если человек имеет место через слово, то и у слова *есть* место. Места, в которых «бывает» слово, разнообразны. У слова – своя топология. Устное слово воздействует на человека иначе, чем слово, запечатленное на глиняной дощечке, папирусе или пергаменте. Порядок чтения свитка – иной, чем порядок чтения книги, восприятие «газетного» слова отлично от восприятия слова, считываемого с «экрана». Зависит ли образование человека – постольку, поскольку образ имеет языковую форму – от того, где и как локализовано слово? Зависит ли «образ мыслей» от места-расположения слова? Какие возможности дают и какие ограничения накладывают на человеческое сознание те пути, которыми слово исходит от человека и приходит к нему? В какой мере индивидуальная и коллективная формы человеческого бытия зависят от топологически-конкретного воплощения слова?

* Материалы к лекциям по курсу «Философская антропология».